

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

О. А. Туфанова

СИМВОЛ ИНОРОГА ВО «ВРЕМЕННОКЕ» ИВАНА ТИМОФЕЕВА

Посвященный событиям эпохи Смутного времени «Временник» дьяка Ивана Тимофеева пронизан сложной и разнообразной символикой. Один из ярких символов, используемых Тимофеевым для характеристики истинных царей, — символ инорога. Впервые образ инорога появляется при упоминании имени Ивана Грозного в самом начале «Временника»: «инорога бывша в бранех»¹. Второй раз образ инорога используется для характеристики старшего сына Грозного — Ивана Ивановича. Далее этот образ дважды претерпевает метаморфозу и превращается то в образ «молитвенного рога», которому уподобляется младший сын Грозного — Федор Иванович, то в образ «младорога», под которым понимается князь Михаил Скопин-Шуйский. И, наконец, в финале памятника появляется еще один образ — «святопомазания рога». В связи с этим возникает два вопроса: каково семантическое наполнение символа и каковы причины его метаморфоз?

Для начала попытаемся разобраться в первичном семантическом поле символа. Уже на самых первых страницах «Временника» рождаются сопутствующие символу характеристики. Иван Грозный удостоивается высоких поэтических эпитетов, значение которых усиливается приставкой *пре-* и обобщающим местоимением *всех*: «превысочайшаго во-истинну и преславнейша всех бывших... паче же во благочестних над всеми пресветлыми» (С. 10); «Иванна, превеликого царя» (С. 16). Данный способ усиления звучания эпитета проявляется и в конце памятника, где Тимофеев, подводя итог своему писанию, кратко пересказывает ведущие характеристики царей и лжецарей. Вместо «Грозный» Тимофеев употребляет здесь эпитет «Всегрозный» (С. 150).

Во-вторых, Тимофеев подчеркивает такую важную в контексте произведения о Смуте черту, как законность наследования престола и древность рода, к которому принадлежал Иван Грозный: «государя Василя Ивановича великого князя и царя *корень по коленству* и муж прародителей своих... помазан к царству... Не бо точию от Рюрика начало имяху о нем, но от самого Августа Цесаря Римскаго и обладателя вселенною, влечахуся во своя роды... *законно же и святолепно сынови от отцу* доднесь происхождаху» (С. 10–11). В итоговой главе «Зачало» снова подчеркивается, что Иван Грозный — законный наследник царского престола, ибо он «сын великаго князя Василя» (С. 150).

В-третьих, как истинный царь, Иван Грозный носил благодатное имя: «благодатноименнаго царя» (С. 11), значение которого выясняется в дальнейшем. Имя «Иоанн» толкуется в тексте как благодать. И снова в главе «Зачало» автор напоминает читателю об иносказательности имени царя Ивана Грозного — «Благодати же соименный» (С. 150).

¹ Временник Ивана Тимофеева / Подгот. к печати, перевод и комментарии О. А. Державиной. Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Репринтное воспроизведение издания 1951 года. СПб., 2004. С. 10 (далее ссылки на изд. указываются в скобках).

В-четвертых, Иван Грозный показывается благочестивым царем: «во *благочестних* над всеми пресветлыми» (С. 10); «паче же сроднаго естества причтется по *благочестии* преже его благоверным бывши; *благочестивых благочестивнейши*» (С. 11). Его благочестие подобно благочестию его предков, от них он воссиял, «яко утренняя от солнца восходит заря» (С. 11). И это не было показной верой, что весьма значимо для Тимофеева. Твердость в вере («самоизвольную его о вере твердость известную» (С. 16), «за непоколебимое веры столповиднаго его стояния» (С. 17)) оценивается Тимофеевым как положительное качество, отличающее истинного царя всея Руси от неистинного. В «Зачале» снова повторяется эта характеристика: Иван Грозный именуется «благочестию твердый рачитель» (С. 150). Более того, в финале эта характеристика усиливается — вслед за отцом, повествует Тимофеев, Грозный под конец жизни принял иночество: «временное царствие в конец жизни си един по едином, второй по первом, иночеством измениша обои» (С. 150).

Наконец, Иван IV предстает в повествовании царем-воином. Говоря о военных заслугах Ивана Грозного, Тимофеев сравнивает славу и величие русского царя со славой и величием Александра Македонского: «славиму же от конец небес до конец их... яко же Макидон некогда, вселенней царствуя» (С. 10). Называет Грозного «инорогом» «в бранех». Упоминает о том, что Иван Грозный отвоевывал города и земли у других народов и присоединял к своему царству. Его противники — и враги, и соседствующие с Русской землей государства — постоянно ощущали нависший над ними меч: «егда он жизньнова, тем во мнозех сопротивен бе отъятием градом их, прибавлением же к своему его царствию; меч бо десница его с воздужу долу не туне свожашеся на противныя, ниже престая ощути» (С. 15). Те же образы использует Иван Тимофеев в финальной характеристике царя: так же упоминается ужасающий противников меч, так же сравнивается Иван Грозный с Александром Македонским, так же подчеркивается его непобедимость, непреклонность к врагам, так же царь именуется собирателем Русских земель. При этом Тимофеев нарочито подчеркивает, что крепость в бранях, присущая Грозному, сочетается с мудростью: «отвсюдный вторособиратель всеа Руския земля... крепок во бранех и мудроумен зело о всех, во всем роде своем изряден быв премудростию, и в силах могущества яко неборим, к варваром в спротивствах земных непреклонен бывая, и в неправдах их мститель неумолим, его же имя и страх со славою обоюду в слухи всех язык возгеме даже до восток и запад. Потресением же меча его и прещением нашествия окрестныя его вси ужасаеми бываху врази, Александров ибо, иже Македоном и вселенней царю, той причастуя в лучших» (С. 150–151).

При всем противоречивом, порой негативном отношении Тимофеева к Ивану Грозному, которого он считал виновным в Смуте, он не может не признать, что тот был истинным собирателем земель русских, продолжателем дела своего отца и вообще своего рода («четырьма краевы вселенныя донныне царствия тех водружена непоколебимо утверждахуся» (С. 11)). Не может не признать, что Иван Грозный был не просто воином, а воином-защитником Русской земли, который устрашал «противных».

Вот эти исходные черты образа инорога (величие, благодатное имя, принадлежность к древнему царскому роду, законное наследование престола, благочестие, воинственность) в дальнейшем будут неизменно повторяться при характеристике истинных царей. Схема, намеченная писателем в начале памятника, предстает довольно-таки ярко в конце — в главе «Зачало», резюмирующей все вышеизложенное.

Сопутствующие образу характеристики проясняют значение символа: «инорогом» «в бранех» Тимофеев называет законного наследника царского престола, благочестивого человека, наделенного при рождении значимым, имеющим высокую положительную оценку именем, воина-защитника Русской земли. Непонятно из этой характеристики другое: почему Тимофеев уподобляет Ивана Грозного именно единорогу, а не какому-то другому животному. Само описание этого зверя² не предполагает какой-либо прямой взаимосвязи с образом этого царя. Но одна характеристика все же позволяет сделать некоторые предположения. Единорог, согласно «Христианской топографии» Козьмы Индикоплова,

² Единорог — «животное, изображаемое в виде лошади или оленя с одним рогом на лбу. Единорог есть зверь, подобен коню; един рогъ имать на главе; велии же крепок и страшен». Алф., 101 об. XVII в. (Словарь русского языка. XI–XVII вв. М., 1978. Вып. 5. С. 28. См. также: Белова О. В. Славянский bestiарий. Словарь названий и символики. М., 2001. С. 99–102).

«страшен» и «непобедим»³. С самого детства, как свидетельствует Тимофеев, Иван Грозный «к ярости удобь подвижен бе» (С. 11). В дальнейшем, описывая ли причины деяний Грозного, говоря ли о нем самом, Тимофеев неизменно будет повторять эту характеристику. Так, истоки введения опричнины автор «Временника» видит в «умышления же зельныя ярости на своя рабы» (С. 11). Имя царя Ивана Грозного нередко сопровождается эпитетом «яростиваго царя» (С. 15). И по отношению к «сопротивным», и особенно по отношению к «присноверным» он был «суров» и «неприступен» (С. 11). Он был настолько «страшен всем», что мог бы «страхом своя власть», если бы захотел, в людях «о вере немужество обнажити» (С. 16). Таким образом, символ инорога получает здесь дополнительное значение — это человек не только храбрый и непобедимый, но и страшный.

Второй раз символ инорога использует Иван Тимофеев по отношению к старшему сыну Грозного — Ивану Ивановичу: «...по отцы воста младый инорог...» (С. 19). Композиционно характеристика, даваемая Ивану Ивановичу во «Временнике», состоит из двух частей. Первая часть представляет собой рассказ об Иване Ивановиче, каким он виделся Тимофееву в реальной жизни. Вторая часть — предположения автора «Временника», каким мог бы быть князь, если бы «не... смертное предварение оному» (С. 19). Символ инорога появляется именно во второй части. Но характеристики князя, используемые в обеих частях, совпадают почти дословно: «тепл отцу по всему именем и мудростию купно с храбрости» (С. 19) — первая часть; «от показания его мудрости и мужески крепости се наручно бысть» (С. 19) — вторая часть. Мудрость, храбрость и «мужеская крепость», таким образом, оказываются и здесь отличительными качествами «инорога». Развернутое предположение Тимофеева по поводу возможных деяний Ивана Ивановича, если бы он остался жив, проясняет, в чем же должны были найти свое выражение эти отличительные качества. Прежде всего, долг и обязанность каждого князя-инорога — остановить приближение к родной земле варваров, устрасшить неверных, чтобы они не смели причинять обиду Русской земле: «воста младый инорог на противныя, якоже от востока даже и к западу на нечестующих... соседствующим варваром земля своя бывшую ми обиду... той плотский инорог самошественне вскоре тех... поразити хотя...» (С. 19). Святое намерение — защита родной земли — сближает образ реального правителя Ивана Грозного и несостоявшегося вследствие ранней смерти защитника Ивана Ивановича. Очевидно, Тимофееву важно было сблизить с помощью символического образа инорога отца и сына, чтобы создать образ идеального, «истинного» царя «всей Руси», царя, наделенного важнейшими качествами. Первое из них — благодатное имя, дарованное Богом. Второе — это, по словам О. А. Державиной, должен быть человек, «наследующий престол от своих предков» (С. 370). Третье — это должен быть человек не только храбрый, непобедимый, но и мудрый. По сути дела, здесь повторяется та же схема описания образа, которую мы наблюдали в связи с образом Ивана Грозного.

Само слово «инорог» оказывается также многозначным. Первичное значение слова «единорог» — «дикое, однорогое, сильное, быстрое, упрямое и опасное животное...»⁴. Однако если посмотреть вторичные значения слова «рог» в славянском языке, то обнаружатся интересные вещи: «рог» означает силу⁵, крепость, преимущество⁶, власть, могущество, опору⁷. В Библии (во Второй книге Царств и в Псалтири) слово «рог» выступает в двух значениях: как рог спасения, защиты⁸ и как рог власти⁹, вознесенной волей Господа.

³ «телеса его медяна... глаголють же о немъ яко страшен е и непобедим, в розе иматъ всю крепость» (см.: Книга нарицаема Козьма Индикоплов / Изд. подг. В. С. Гольщенко, В. Ф. Дубровина. М., 1997. С. 291).

⁴ Полный церковно-славянский словарь / Сост. Г. Дьяченко. М., 2005. С. 169.

⁵ Мурьянов М. Ф. К семантическим закономерностям в лексике старославянского языка (рогъ и его связи) // Вопросы языкознания. 1979. № 2. С. 104.

⁶ Полный церковно-славянский словарь. С. 551.

⁷ См.: Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 22 (Раскидаться — Ряшенко). М., 1997. С. 175; Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1991. Т. IV. С. 99.

⁸ «И рече Господь, камени мои, оутвержение мое, и спаситель мои, Богъ мои, хранитель бысть мои, оупова буду на тя защитникъ мои и рогъ спасения моего, заступникъ мои прибежище спасению моему и от неправды спасеши мя» (Вг. кн. Царств 22: 3); «Възлюблю тя, Господи, крепости моя, Господь оутвержение мое, и прибежище мое, и избавитель мой, Богъ мой помощникъ мой, и оупова нань. Защититель мой, и рогъ спасения моего, и заступникъ мой» (Пс. 17: 3) (Библия. Острог, 1581).

⁹ «Блажени людие въ душихъ възкликновение. Господи въ свете лица твоего поидуть, и о имени твоемъ възрадутся весь день, и правдою твоею възнесутся. Яко похвала силы ихъ ты еси, и въ благоволении твоемъ възнесется рогъ наш» (Пс. 88: 16–18); «И

Следовательно, отчасти выбор животного для символического наименования истинного царя оказывается объясним и игрой слов и значений. Истинный царь — «инорог» — одна опора, одна защита. Т. е. «инорог» — воин-защитник. Наше предположение вполне укладывается в рамки последующего рассказа Тимофеева о загробном существовании старшего сына Ивана Грозного. Владычествующий всеми Бог призвал князя-воина к себе, «лучшее ему предъизбра». Там, в вечной своей жизни, он также должен быть воином-защитником Отечества вместе с царем Константином, со святыми Борисом и Глебом: «в веце оном пред лицом своим Константину цареви своинствовати на невидимыя и видимыя враги и з сродными близ ему сущими Владимиричи братама двема и прочими тацями, в защищении отечества состадуяся, ополчеватися тому повеле» (С. 20).

Возвеличивая образ князя-защитника, Тимофеев сопоставляет его с необъезженным, не поддающимся обузданию жеребцом, не подчиняющимся никому: «яко некий невседален жеребец и неприступен обузоватися, не повиную никому же, свободнее отекая» (С. 19). Сравнение весьма значимое для характеристики истинного государя в контексте всего произведения о Смутном времени. Он должен быть свободным, не подчиняющимся чужому влиянию правителем. Не случайно сопутствующей ему стихией в изображении Тимофеева оказывается стихия огня: «яростным оком на ня взирая... люте на оны дыша огнем ярости своея, пламенны искры на тья, отрыгая» (С. 19). «Пламенность» — отличительная черта не только Ивана Ивановича, но и его отца: весьма часто подчиненные испытывали на себе воздействие его «пламенна гнева» (С. 11).

Смерть старшего сына Ивана Грозного по-разному восприняли соотечественники и иноплеменники. Враги Русской земли, которых мог бы утешить огнем ярости Иван Иванович, «восплескаша руками, но яко праздник им своих ликовати». Точно так же иноплеменники отреагировали и на смерть Ивана Грозного: «лишением его, яко приобретением неким велиим, зело обрадовашеся» (С. 15). В главе «Зачало» Тимофеев не только описывает реакцию иноземцев на смерть Грозного, но и поясняет причины их ликования: «Смерти же его во странах языческих, яко о празднице светлее, много сотворися радость, и весело восплескаша руками; успением бо его наветницы странстии в чаянии брани зело почиша, не туне бо мечь своя десница в гнева ярости своя выспрь на ня возводя, ниже с воздуха тщетно сводя» (С. 151).

Реакция русских людей на преждевременную кончину Ивана Ивановича прямо противоположна: «множеству людцкому срыдая» (С. 22), ибо другого такого защитника во плоти не было дано Русской земле: «другий нам толик плотский инорог, по нем не оста» (С. 22). В день смерти последнего «инорога» из русских царей вся природа соблезновала «земнородным», по повелению Божьему, и даже солнце покрыло воздух мраком, «воду от недр своих, яко слезоточны капля, испущая» (С. 22). Сам усопший князь Иван Иванович уподобляется «свеще мирови», «великой» и «пресветлой», и именуется «всего православия» царем. Со светом ассоциируется и царь Иван Грозный — Тимофеев сравнивает его с «утренней от солнца... зарей» (С. 11). В свете миропредставления книжников XVI — начала XVII в. Русская земля, в силу своей независимости, была единственно истинно православной страной. Очевидно, Тимофеев придерживался такого же взгляда на роль Русской земли на мировой арене. Поэтому преждевременная смерть последнего «инорога», «благонадежного... в заступаемых», воспринимается Тимофеевым как смерть «всего православия» царя. Сам же символ инорога приобретает в данном контексте еще одно немаловажное для автора «Временника» значение: это православный царь, великая свеча мира.

Младший сын Грозного, Федор, ставший царем «всей Руси», ни разу, несмотря на множество восторженных слов о нем, не удостоивается Тимофеевым возведения до символа инорога, что вполне закономерно и объяснимо. Собственно говоря, сам Иван Тимофеев определяет очень четко свою позицию: «Нам же токмо второсамобрат его, иже молитвенный рог крепости нам по нем бывый... зане не бе "брань его к плоти и крови"... но молитвою противныя ему одолеваша» (С. 22). Исключая первую

истина моя и милость моя с нимъ, и о имени моем възнесетя рогъ его» (Пс. 88: 25); «И възнесетя яко инорога рогъ мой, и старость моя въ елей мастите» (Пс. 91: 11); «расточи, дасть оубогымъ, правда его пребываетъ въ векъ века, рогъ его възнесетя въ славе» (Пс. 111: 9).

часть сложного двукорневого символа и оставляя только конец — слово «рог», Тимофеев тем самым проводит важную параллель и важное разграничение. Царь Феодор также признается Тимофеевым истинным царем, опорой православия и защитником Русской земли. Схема описания, как будет показано в дальнейшем, неизменно повторяется. Но он не воин. Его «крепость» не в силе и храбрости, не в «мужески крепости», а в «молитвенной силе».

Князь Федор Иванович изображается во «Временнике» царем-праведником. Тимофеев неоднократно говорит о том, что Федор Иванович был «благочестив»: «паче зело благочестив бе» (С. 24), «паче всего любя благочестии и благолепие церковное» (С. 25), «сий Федор Иванович, вправду благочестивый самодержец» (С. 26), «велик и мног иконопоклонник по прародителех во благочестии явлься» (С. 25); «сего благочестиваго царя Феодора» (С. 28); «благочестивне Феодора» (С. 29). Эта доминанта звучит и в конце памятника: «весь всем благочестием купно объят быв и всецел» (С. 151); «благочестивый сей Феодор царь» (С. 152). На протяжении всего повествования Тимофеев делает акценты на молитвенных, духовных подвигах последнего сына Ивана Грозного, на иноческом поведении князя: «весь возложися Христови... иночески в посничестве препроводив, в молитвах и мольбах с коленопреклонения день и ночь, время всяя жизни своя в духовных подвизах изнутри» (С. 25) и др. То же в конце: «мнихолубец и нищелубец... и воздержник в подвизе явлен от извну кипящих в нем люблением дел иночества» (С. 151).

Порой царь Федор Иванович наделяется эпитетом «освятованный»: «освятованный же царь Феодор» (С. 27), «сего святожительнаго в предипреподобии и правде царя» (С. 26), «о святопомазаннем царе Феодоре» (С. 26). В главе «Зачало» эпитет «освятованный» будет усилен: Тимофеев назовет Федора Ивановича «велик предстатель о мире и святоцарь бывая» (С. 151). Характеристика царя как святого, в свою очередь, обернется призывом к читателям молиться его имени: «мню, не убо кто согрешит, аще и в молитвах того призовет» (С. 151).

14-летнее царствование Федора Ивановича предстает под пером Тимофеева в ореоле святости: «все же житие свягаго и преподобнаго своего царствия» (С. 25), «купно мнишество с царствием соплетено» (С. 25); сопровождается эпитетом «пресветлое»: «в пресвелья своя державы дни» (С. 24); наделяется эпитетом «благочестивое», уподобляется сиянию: «царство благочестивое, иже от поста просиявши» (С. 24). То же самое наблюдается в «Зачале»: «своя державы благим царствием» (С. 152).

Будучи сам «кроток, и мног в милостех ко всем, и непорочен», царь Федор Иванович избрал, по мнению Тимофеева, соответствующую манеру править — тихо и безмятежно: «тихо и безмятежно царствова» (С. 24). И Русская земля в период его правления пребывала «в покои всяцем и изобилии же и тишине отовсюду» (С. 24). Внутри одного большого синтаксического периода Тимофеев неоднократно подчеркивает, что покой и тишина в Русской земле во время правления Федора Ивановича не что иное, как мирожительство, отсутствие войн. Он то использует косвенный указатель — пишет о том, что Русская земля во время царствования Федора Ивановича не подвергалась нашествиям иноземцев: «во дни бо державы его земля бяше противными не наступаема» (С. 24); то прямо говорит, что земля была «мирне и невоеванна» (С. 25); то выбирает аллегорическую форму подтверждения своей правоты — так, воины, в связи с прочно установившимся миром, расковали свои мечи и шлемы на мирные орудия сельскохозяйственного труда: «шлемы всяцех мирожительных расковаше ратнии на арала своя и меча на серпы» (С. 25); то сопоставляет этот период в истории Руси с аналогичным в истории Иудеи во время правления царя Соломона: «яко же во дни Соломани» (С. 25). Завершается этот длинный пассаж о мирном существовании Руси во время царствования последнего потомка из рода Калиты объяснением причин. Оказывается, враги, «противныя», не смели вступать в Русскую землю, так как она была под охраной молитвы царя. Именно молитвой царь Федор Иванович, по мысли Тимофеева, отгонял врагов от Русской земли: «молитвами к богу от противных навет ту всюду невредно царь мой окружая» (С. 25); «молитвою противныя ему одолеваша. И толико ему возмогаше молитвенная сила» (С. 22). Но вот что любопытно: Тимофеев нигде на протяжении всей главы, посвященной Федору

Ивановичу, не говорит о бедах, постигших Русскую землю во время его правления. Речь об этом писатель ведет в весьма осторожных выражениях в главе «О смерти государя царевича Дмитрия Ивановича». Он как будто бы нарочно разрывает повествование, чтобы нарушить исторические и хронологические связи между событиями. Сделать это в предшествующей главе Тимофеев не мог по идеологическим и художественным соображениям — иначе бы разрушился стройный образ идеального правителя и обесмыслился бы его яркий символический знак. Между тем для Тимофеева, очевидно, была важна эта царственная символика.

Таким образом, уподобив Федора Ивановича «молитвенному рогу крепости», в дальнейшем Тимофеев разъясняет символично-метафорический смысл данного образа: он не воин-защитник, каким мог бы стать его старший брат, он святой охранитель Русской земли.

Однако благочестие, защита Русской земли — это только часть повторяемых характеристик. Есть ли другие? Несомненно, как и в случае с Иваном Грозным, с Иваном Ивановичем, важное значение Тимофеев придает происхождению Федора Ивановича. На небольшом текстовом промежутке автор «Временника» несколько раз повторяет мысль о том, что Федор Иванович — законный наследник царского престола: «убо брата два, единоотечни убо, по плоти... по отчи смерти всех царств престола родителева наследник бысть» (С. 24), — и дублирует ее в конце: «отчества си престол святолепне наследова» (С. 151). Имя «Феодор», как и имя «Иван», получает иносказательное толкование: оно переводится Тимофеевым как «божий дар»: «по толку божия си дара стяжа имя, по дарованней же благодати паче зело благочестив бе» (С. 24). В финале — снова повтор: «Тезоименен бо бе он богозрителю Иеремиови по имени» (С. 152). И, наконец, Федор Иванович, как и Иван Иванович, сопоставлен со свечой, светом: «яко свеща всемирная нам возженная, ли звезда пресветлая оставшая... бывшая от благодати светлее в роды его царствию вечно возженная!» (С. 152). Таким образом, в тексте полностью соблюдается заданная изначально схема описания царствующей особы.

По этой же схеме описывается и Михаил Скопин-Шуйский, но он уже назван «младорогом»: «юнец младорог» (С. 135); «юнорогому Михаилу» (С. 142); «яко юнец рогами своима, сломи и на землю пасти ту сотвори и от стада божия отгна» (С. 126). Его имя тоже получает иносказательное толкование: «божие лицо по толку глаголемо имя его» (С. 135). Он потомок княжеского рода, следовательно, принадлежит «преславна корене отрасль» (С. 135). Как и Иван Грозный и его старший сын, он храбрый полководец: «Стратигу плотску внутрь мене храбру суцу» (С. 135), который «еще и юн сы телом, но многолетну стяжа ума крепость» (С. 135). Михаил Шуйский предстает под пером Тимофеева настоящим воином-защитником, который, как когда-то Иван Грозный, был непобедим и устрашал врагов Русской земли: «зверообразно на объемших ю вся волки тыя напад, грознее разпудив и от стада божия отгнах, без вести сотвори, явлься яко непобедим, враги одолев» (С. 135); «цветущия юности крепостию сопротивных роги яко гнилые лозья» (С. 135). Он воин-победитель — «по святопервом первый Михаил, яко победе князь» (С. 142). Так же, как и законные цари, Скопин-Шуйский умер неестественной смертью — он был отравлен своими родными: «Вмале же от сродных си... смертным уязвен ядом; угашению жизни его, сказуют нецьи, носяй венец стрый его виновен бе» (С. 135). Аналогичным образом во «Временнике» описывается кончина всех законных царей: Тимофеев ссылается на распространенные в народе слухи («сказуют нецьи»), применяет традиционную метафору («угашение жизни»). Ср. о смерти Ивана Грозного и его детей: «Глаголаху же нецьи, яко прежде времени той... от своих раб подъя угашение своя жизни, яко же и чадом его по нем они сотвориша тожде» (С. 151); о смерти Федора Ивановича: «И сего святожительнаго в предипреподобии и правде царя, глаголют нецьи, не еще в настоящем у законоположенья ему богом вся жизни его лета к пределу смерти в конец приспеша тогда» (С. 26), «от рабских рук нужно и прежде времени почившаго... раб... принесе господску животу смертен яд и уби» (С. 52). Реакция народа на смерть героя схожа с реакцией на смерть прежних законных царей и престолонаследников — вся Русская земля исполнилась плача:

«земнороднии со младенцы вси при гробе его небоязнено перводесподским *почтоша* плачем, не внемлющее отнюдь владущаго страху, но яко свободителя своего *оплакоша*, надгробное ему *рыдание жалостнее со умилными воспеша гласы*, исходную с провожденми *песнь* и честь по всему, яко долг некак, отдаша за *безгодное время смерти* паче» (С. 136. Курсив мой. — О. Т.).

По мнению О. А. Державиной, Тимофеев считал Михаила Скопина-Шуйского «более достойным царского престола, чем его дядю Василия Шуйского» (С. 497). Вероятно, именно этим объясняется и сходное именование князя Михаила Скопина-Шуйского «младорогом», и повторение схемы описания законных царей на русском престоле при характеристике народного героя, и, наконец, появление еще одного образа — «святопомазания рога» — в связи с этим персонажем.

Если бы «наветницы» не «украсти жизнь его», размышляет Тимофеев, то весь народ («по числу всех родов родов») «поставится святопомазания рогу на главе его диадимую венчаваему и вручении державна скипетра» (С. 136). И далее Тимофеев сравнивает Михаила Скопина-Шуйского с библейским царем Давидом, которого по повелению Бога помазал на царство пророк Самуил: «яко же возлюбленаго богом Давида внезапно древле кротости ради Самуил повелен обляяти воскипевшим от рога маслом к совершению царства» (С. 136). В данном случае автор «Временника» почти без изменений цитирует текст Первой книги Царств: «И рече Господь къ Самоилу... исполни рогъ иелею... и помажеш ми его» (16: 1), «И рече Господь къ Самоилу... помажи Давыда, яко той благодать есть, и приагь Самоиль рогъ съ иелеом и помаза... и ношашеса духъ Господень над Давидомъ от того дъне и потомъ» (16: 13). Аналогичным образом в Третьей книге Царств говорится о помазании на царство Соломона жрецом Садоком: «И взять Садокъ иереи рогъ съ иелеом... и помаза Соломона, и въструбиша рогомъ» (1: 39). Во всех этих случаях «рогъ съ иелеом» выступает в роли атрибута посвящения и является знаком угодности Богу посвящаемого. Таким образом, признавая Михаила Скопина-Шуйского достойным быть венчанным на царство «святопомазания рогом», Тимофеев тем самым возвышает образ князя, признает его персону угодной и Богу, и народу.

Одновременно с этим проясняется еще одно символическое значение слова «рог» в контексте всего произведения о Смутном времени. «Рог» означает власть, полученную от Бога. Следовательно, все цари — действительные (Иван Грозный, Федор Иванович) и потенциальные (Иван Иванович, Михаил Скопин-Шуйский), — достаиваемые в той или иной манере характеристики «рог», признаются царями, получившими свою власть от Бога, что вполне укладывается в концепцию политической теории, широко распространенной в XVI—XVII в. Согласно этой теории, «царь — глава государства, получает свою власть от Бога и является хранителем на земле “божественных” законов добра и справедливости» (С. 367—368). Сама царская власть воспринимается как «власть сакральная, обладающая божественной природой»¹⁰. Идея богоустановленности, богоданности царской власти включает в себя и мысль о том, что не поведение, не образ мыслей, не происхождение, а предназначение¹¹ определяет истинного царя. В этом смысле все вышеназванные исторические личности изображаются Иваном Тимофеевым как люди, достойные и, более того, предназначенные для сакральной власти — для царского престола.

В этом ключе становится понятна трансформация образа «инорога» — «молитвенного рога» — «младорога». На наш взгляд, главной во всех случаях является вторая часть именованья — «рог», объединяющая разных по своим человеческим характеристикам, по манере поведения и т. д., но, несомненно, достойных царского престола действительных и вероятных царей Русской земли. Изменение же первой части символа обусловлено, очевидно, особенностями личности того или иного правителя, что было показано выше.

Ни в каком другом произведении, посвященном эпохе Смутного времени, ни один автор не использует символ инорога для обозначения истинных царей. В связи с этим возникает вопрос: каковы причины обращения дьяка Ивана Тимофеева к теме единорога?

¹⁰ Успенский Б. А. Царь и самозванец: культурно-исторический феномен // Успенский Б. А. Избранные труды. М., 1994. Т. I. Семиотика истории. Семиотика культуры. С. 76.

¹¹ Там же. С. 78.

Предположение первое — историческое. Символ иноорога мог появиться в тексте «Временника» как результат знакомства Тимофеева с русской геральдикой и сфрагистикой. В качестве «государственной эмблемы»¹² единорог впервые начинает использоваться в XV в. При великом князе Московском Иване III в подражание английскому ноблю создается новая золотая монета — «корабельник», с изображением корабля и креста, в углах которого были помещены единороги¹³. Изображение этого фантастического животного находят и на одной из чарок сына Ивана III — Семена Ивановича Калужского¹⁴, и в миниатюрах Угличской псалтыри 1485 г., и на рукоятях резных царских посохов¹⁵ (XV в.). В XVI в. единорог начинает использоваться в канонической иконографии¹⁶. Наконец, изображение единорога можно обнаружить на Большой и Малой печатях Ивана IV. Более того, в грамотах бояр, в послании новгородского архиепископа Пимена, адресованных Ивану Васильевичу и датированных 60-ми годами XVI в., царь сравнивается с «рогом иноорога»¹⁷. Все эти исторические данные позволили многим исследователям считать единорога личной эмблемой Ивана IV. Эта мысль, впервые прозвучавшая в работе В. Н. Татищева¹⁸, получила свое развитие и подтверждение в работах И. П. Сахарова, А. Б. Лакиера, И. Г. Спасского, Н. А. Соболевой, Р. А. Симонова¹⁹ и др. «Для Грозного, — полагает А. Л. Хорошкевич, — образ единорога имел весьма своеобразный смысл: этот символ утверждал его как носителя истинного православия, как представителя законной царской власти, был для него воплощением силы и непобедимости»²⁰. Позднее, в 70-е годы XVI в., изображение единорога исчезает с государственных печатей, но начинает активно использоваться на печатях центральных государственных учреждений — печатях приказа Большого прихода, Большого дворца, печатях Московского печатного двора²¹. Тогда же, в 1570-е годы, эмблема единорога в качестве символа царской власти появляется на пушках. Используется символика единорога и после смерти Ивана Грозного: мифический зверь был изображен на золотых монетах Федора Ивановича и его преемников²² вплоть до конца XVII в., на дворцовой утвари²³, на знаменах²⁴, в росписи по дереву²⁵, на книжных переплетах²⁶ и т. д. Таким образом, во времена Ивана Тимофеева единорог был геральдическим символом всех московских государей, начиная с Ивана III и кончая Алексеем Михайловичем Романовым, и одновременно одним из важнейших символов русской государственности, наряду с двуглавым орлом. Поэтому представляется вполне логичным, что для наименования истинных царей всея Руси Тимофеев избирает именно этот символ.

¹² Хорошкевич А. Л. Герб // Герб и флаг России X–XX века. М., 1997. С. 166.

¹³ Симонов Р. А. О причине появления единорогов на золотой монете («корабельнике») Ивана III // Гербовед. М., 1997. № 15 (3'97). С. 75; Спасский И. Г. Монетное и монетовидное золото в Московском государстве и первые золотые Ивана III // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1976. Вып. 8. С. 115; Хорошкевич А. Л. Герб. С. 167.

¹⁴ Хорошкевич А. Л. Герб. С. 167.

¹⁵ Чернецов А. В. Резные посохи XV в. (работа кремлевских мастеров). М., 1987. С. 17.

¹⁶ Хорошкевич А. Л. Герб. С. 167; Спасский И. Г. Монетное и монетовидное золото в Московском государстве и первые золотые Ивана III. С. 115; Буслаев Ф. И. Общие понятия о русской иконописи. М., 1866. С. 75.

¹⁷ Хорошкевич А. Л. Герб. С. 168–170.

¹⁸ Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1962. Т. I. С. 370.

¹⁹ Сахаров И. П. Записки о русских гербах. СПб., 1856. Ч. I. Московский герб. С. 67; Лакиер А. Б. Русская геральдика. М., 1990. С. 41, 147; Спасский И. Г. Монетное и монетовидное золото в Московском государстве и первые золотые Ивана III. С. 115–118; Соболева Н. А. Русские печати. М., 1991. С. 166; Симонов Р. А. Об астрологическом происхождении древней государственной эмблемы России — единорога // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1998. Сб. 9. С. 310.

²⁰ Хорошкевич А. Л. Герб. С. 171.

²¹ Симонов Р. А. Об астрологическом происхождении древней государственной эмблемы России — единорога. С. 318.

²² Лакиер А. Б. Русская геральдика. С. 148; Спасский И. Г. Монетное и монетовидное золото в Московском государстве и первые золотые Ивана III. С. 118.

²³ Симонов Р. А. Об астрологическом происхождении древней государственной эмблемы России — единорога. С. 318.

²⁴ Вилинбахов Г. В. Русские знамена XVII века с изображением единорога // Сообщения Государственного Эрмитажа. Л., 1982. Т. 47. С. 22–24.

²⁵ Симонов Р. А. Об астрологическом происхождении древней государственной эмблемы России — единорога. С. 318–319; Желалова С. К. Русская народная живопись. М., 1975. С. 7–8, 59–60, 65–66.

²⁶ Симонов Р. А. Об астрологическом происхождении древней государственной эмблемы России — единорога. С. 319.

Предположение второе. Согласно астрологическим убеждениям «жидовствующих» в XV в., «управителем» территории Московии, Новгородской земли, Великого княжества Литовского²⁷ был Козерог, зодиакальным знаком которого на северо-западе Руси во второй половине XV в. называли «инорога»²⁸. Основываясь на анализе политических устремлений Ивана III, стремившегося объединить все территории с русским населением под эгидой великого князя «всей Руси», на близости воззрений царя к астрологической теории «жидовствующих», Р. А. Симонов приходит к выводу, что изображение единорога «можно рассматривать в качестве тотема — покровителя и объединителя русских земель уже в XV в.»²⁹. Если допустить мысль, что дьяк Иван Тимофеев был знаком с астрологическим учением «жидовствующих»³⁰, то становится понятным, почему царя Ивана Грозного и его сына Ивана Ивановича писатель позиционирует как защитников и собирателей русских земель, настоятельно проводя мысль о том, что крепкая царская власть является залогом независимости Руси, источником силы государства. В этом контексте единорог становится символом не только собирательства исконных русских земель, но и символом крепкой, мощной царской власти.

Предположение третье — мистико-религиозное. Многие символично-аллегорические образы, сравнения, появляющиеся на страницах «Временника», восходят, по наблюдению О. А. Державиной³¹, к Священному Писанию. Судя по всему, образ единорога не был в этом смысле исключением. Он неоднократно упоминается в Библии: в Книге Иова³², в Псалтири³³, в Апокалипсисе. Библейские тексты не дают внешнего описания единорога, но достаточно устойчиво указывают на его качества: этот мифический зверь неукротим, силен и быстр. Аналогичными качествами во «Временнике» отличаются Иван IV и его старший сын. В Апокалипсисе единорог вступает в борьбу со львом и побеждает его. Та же аллегория прослеживается неоднократно во «Временнике». Все реальные и потенциальные законные цари в памятнике побеждают лжецарей, символом которых в тексте является лев. Библейский единорог сражается со львом-антихристом — «сыном погибели». Все положительные герои «Временника» сражаются с лжецарями, приносящими горе, беды, разорение Русской земле, ведущими Московское государство к гибели. В этом смысле единорог в Библии и единорог во «Временнике» становятся образами тождественными: перед нами, несомненно, образ воинственный и «освященный». Сам же единорог превращается у Тимофеева в символический образ побед русских праведных царей над внешними и внутренними врагами земли Русской.

Второй семантический пласт образа единорога, берущий свои истоки в Библии, связан с толкованием единорога как символа царя, Богом избранного, и как символа чистоты православной веры. Все законные русские цари отличались особым, одухотворенным благочестием³⁴. Со времен Ивана Грозного в Московском государстве культивировалась идея русской державы как третьего Рима, последнего оплота «праведного» христианства. В этом смысле единорог символизировал особое духовное

²⁷ Симонов Р. А. О причине появления единорогов на золотой монете («корабельнике») Ивана III. С. 76.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 78.

³⁰ Долгое пребывание Тимофеева на службе в Новгороде, наличие заимствований и реминисценций в тексте «Временника» из сочинений Иосифа Волоцкого, осуждавшего ересь «жидовствующих» (см. подробнее: Коротченко М. А. Влияние сочинений Иосифа Волоцкого на исторические повести о Смутном времени // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2000. Сб. 10. С. 420–421), на наш взгляд, делают это предположение вполне имеющим право на существование.

³¹ Державина О. А. Историческая повесть первой трети XVII века. (Опыт литературного анализа «Летописной книги», приписываемой И. М. Катыреву-Ростовскому, «Временник» дьяка Ивана Тимофеева и «Сказание» Авраамия Палицына). Дисс. на соиск. учен. степени доктора филологических наук. М., 1958. С. 384–421.

³² «Похощетъ же ти и инърогъ поработати, или спати въ яслехъ твоихъ. Привяжешижь ремень инърогу его, и проженеть ти бразды наполи. Надеешилися нань, яко многа крепость его, пустишиже ли нань дела своя. Веруешижь ли яко въздасть ти семя, внесе же ли ти въ гумно» (Книга Иова 39: 9–12).

³³ «Спаси мя от усть львовъ, и от рогъ единорождъ, смирение мое» (Пс. 21: 22); «Глас Господень съкрушающаго кедръ, и сърыетъ Господь кедръ ливанския, и истънитъ яко телець ливанския, и възлюбленнымъ яко сынъ единорождъ» (Пс. 28: 5–6); «и възнесетъ яко инорога рогъ мой, и старость моя въ елей мастите» (Пс. 91: 11).

³⁴ Согласно наблюдениям О. В. Беловой, единорог служил символическим обозначением «человека, не забывающего о Боге» и «человека, вооруженного “крепостью Христовой” против еретиков» (Белова О. В. Славянский bestiарий. С. 99–102). Таким образом, выбор символа единорога для обозначения истинных царей в данном случае осуществляется в рамках традиции.

качество Русской земли как своеобразного знака обетованной земли спасения человечества, а законных престолонаследников — как истинных наместников Бога на земле. Не случайно, следовательно, Тимофеев настойчиво и неоднократно указывает на факт законного престолонаследования: только законный наследник российского престола может помочь реализовать предначертанную Русской земле миссию. Таким образом, в тексте «Временника» находит выражение и мистико-символическое восприятие образа единорога, характерное для средневекового мышления.

Предположение четвертое — литературное. По наблюдениям И. Г. Спасского³⁵, тема единорога была хорошо известна древнерусскому книжнику с древних времен. Так, в «Повести о Варлааме и Иосафе» в одной из притч единорог выступает символом смерти, в «Голубиной книге» индрик (единорог) — «звирь над звирями звирь»³⁶ — распорядителем вод, символом, соединившим в себе змея и змееборца. В греческом «Физиологе» единорог описан как сильный зверь, имеющий «малъ животь» и «единъ же рогъ... посреди главы»³⁷. В списках разных групп единорог представляется животным то «в высшей степени злобным», то «в высшей степени кротким»³⁸. Его не могут ни приручить, ни поймать охотники, это удается сделать только целомудренной деве Марии. Если допустить мысль, что дьяк Иван Тимофеев был знаком с текстом «Физиолога», знал символическое толкование этого мифического зверя как символа чистоты и силы, как эмблемы меча и слова Божия³⁹, то в этом случае использование символа иноорога для наименования законных русских царей оказывается весьма значимым. Признавая законность власти представителей рода Калиты, акцентируя идею богоизбранности царствующих особ, Тимофеев тем самым закреплял в своем тексте актуальную для эпохи Смутного времени дифференциацию царей на истинных и ложных. Истинные цари — цари по Божьему промыслу. Они не всегда справедливы (например, Иван Грозный изображается во «Временнике» как тиран, уничтожающий население своей страны), но они всегда «первосудие», «природные», поскольку «не поведение, но предназначение определяет истинного царя»⁴⁰. Они символизируют собой сильную власть — аналогия весьма прозрачна: физической силе зверя единорога соответствует сильная царская власть, подчиняющая своей воле как соотечественников, так и иноземцев. Истинные цари, получающие власть от Бога, воспринимаются как образ Бога на земле, и в этом смысле со всей отчетливостью проявляется представление Тимофеева о единороге как особом царском знаке, свидетельствующем об избранности «праведных» царей.

С другой стороны, в «Физиологе» достаточно ярко прослеживается тесная взаимосвязь образов единорога и девы Марии⁴¹. Согласно одному из списков, единорог, приведенный девой в «полатоу», «вселися въ чрево истинныя девица богородица Мария»⁴², согласно другому списку, чувствительный к чистоте девицы, единорог ложился у ее ног, клал голову ей на колени и засыпал. Так или иначе, здесь явно прослеживается связь целомудренного женского начала с образом единорога: единорог служит чистой и непорочной деве, покоряется ее власти. В тексте «Временника» также прослеживается эта взаимосвязь. Россия предстает под пером Тимофеева в образе женщины в главе «О вдовстве Московского государства» и в последующих двух притчах (С. 155–161). Подобно «вдове недей, иже по муже остаема уподобляема и своеземными рабы разорительно обладаема и разтекаема и яко по жребию разделяема» (С. 155), Московское государство разоряется рабами и чужестранцами, гибнет без мужа — истинного царя. И так продолжается до того момента, пока Русская земля не обретает нового «праведного» царя — «богом воздвиженнаго в наследие царска от рода в роды царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси» (С. 155). Следовательно, наблюдается еще одна аналогия «Физиолога» и «Временника»: мифический зверь служит целомудренной деве, цари-единороги служат Русской земле.

³⁵ Спасский И. Г. Монетное и монетовидное золото в Московском государстве и первые золотые Ивана III. С. 115–116.

³⁶ Бессонов П. Калеки переходные: Сб. стихов и исследований. СПб., 1861. С. 296.

³⁷ Карнеев А. Д. Материалы и заметки по литературной истории Физиолога. СПб., 1890. С. 302.

³⁸ Там же. С. 303.

³⁹ Энциклопедия символов, знаков, эмблем / Авт.-сост. В. Андреева, В. Куклев, А. Ровнер. М., 2001. С. 179.

⁴⁰ Успенский Б. А. Царь и самозванец: культурно-исторический феномен. С. 78.

⁴¹ Эта устойчивая связь прослеживается практически во всех славянских bestiaries XII–XIII вв. См. подробнее: Средневековый bestiary / Автор вступ. ст. и коммент. К. Муратова. Перев. старофранц. стихов В. Микушевича. М., 1984. С. 82–84.

⁴² Карнеев А. Д. Материалы и заметки по литературной истории Физиолога. С. 302.

Таким образом, символ инорога во «Временнике» Ивана Тимофеева имеет несколько значений. Прежде всего, инорог — законный наследник царского престола, наделенный значимым именем, воин-защитник Русской земли. Его отличительные качества — храбрость, непобедимость, мудрость, внутренняя свобода, пламенность. Во-вторых, инорог — это православный благочестивый царь, святой охранитель Русской земли, получивший свою власть от Бога. Все вышеизложенные предположения насчет происхождения символа носят гипотетический характер и «работают» на единое понимание образа инорога как символа русской государственности и как символа истинных московских государей.

